

История эта началась в конце 90-х, когда я работал учителем истории в сельской средней школе. Одному моему толковому ученику Ивану Дмитриеву тяжело давалась история России первой половины XIX века. Точнее – всё, что было после декабристов, ещё точнее – всё, что было после смерти Пушкина. А зная он хотел, потому как собирался поступать в Московский пограничный институт Федеральной службы безопасности, а там нужны были при поступлении история и обществознание. В общем – и поступить, и зная ученик хотел. Мотивация на генетическом уровне – отец офицер, старший брат служил в пограничных войсках, военная романтика в сознании ещё не развеваяна серьёзным армейским бытом...

– Не захождит мне это время... – жаловался мне на вторую треть девятнадцатого века Ваня.

Я же, как человек родившийся в день пограничника, историк по образованию, посчитал делом чести поступление моего ученика в данный вуз. В какой-то момент вспомнил, что и у меня в университете это время, как говорит нынешняя молодежь, «не заходило». Единственная четвертка в дипломе, именно за этот период отечественной истории. И мне в своё время, и Ване спустя десять лет требовалась какая-то точка опоры. И я вдруг вспомнил, что такой точкой для меня стало прочтение лермонтовского «Героя нашего времени», романа, который я в школе «прочитал» по диагонали, потому как тогда лучше читались Рай Бредбери и Пьер Буль, Иван Ефремов и Алексей Казанцев...

– А прочитай-ка ты, Иван, «Героя нашего времени», – посоветовал я без особых надежд своему целеустремлённому ученику.

Он посмотрел на меня с сомнением и недоверием:

– Так нам его по программе, вроде, в следующем году...

– Мне помогло, – опередил я его дальнейшие вопросы. – Честно. Но это было уже после армии, на третьем курсе... Кстати, я потом вообще стал перечитывать русскую классику, особенно Достоевского. Но тебе рано. Достоевского – точно рано. До сих пор не могу понять, зачем нам дают «Преступление и наказание»? А надо бы «Идиота». Какой идиот в педагогике совершил это преступление перед

Достоевским?... – начал я иронично размышлять о школьном курсе русской литературы, но Иван поморщился:

– Сергей Сергеевич, а зачем это всё вообще будущему русскому офицеру?

Я вздохнул. На дворе были смутные 90-е, и русская литература вообще была не ко двору. Долгие философские сентенции, как говорила молодёжь, не прокатывали, и я ответил просто:

– «Герой нашего времени» – это про русских офицеров того времени...

И мотивация сработала.

– Понял, принял, – как военный связист ответил мне будущий курсант Дмитриев.

Он пришёл ко мне через неделю с томиком Лермонтова.

– Ну вот, Сергей Сергеевич, прочитай... Вот только не понял, Печорин вроде не мажор по родству, а ведёт себя как мажор. Эту люблю, эту не люблю, эту полюблю от нечего делать, тут постреляюсь... Лермонтов с себя что ли писал? Язык, кстати, так себе... Всё же мне больше стихи у Михаила Юрьевича нравятся.

– Мне тоже, – признался я в ответ.

– Но время почувствовал... Вот прямо почувствовал, а ещё понял, почему через сто лет всё рухнуло.

– Почему же?

– Элита так и разлагалась. В том числе военная. Подвиги от скуки совершать? Или покрасоваться? И этот, как его, фатализм... Вот точно, Лермонтов про себя писал. Тогда ведь на дуэли погиб...

– Все авторы отчасти пишут про себя, из своего опыта, – согласился я. – С фатализмом ты тоже отчасти прав. – Я глубоко вздохнул. – Выходит, ты пожалел о потраченном на чтение времени?

– Нет-нет, я уже понял, что жалеть потом придётся о том, что не успел прочитать...

И эпоху первой трети и середины XIX века Ваня действительно почувствовал. Эпоха Николая Первого стала ему понятна. Как и сам император, которого незадолго в историографии долгое время называли реакционером. А император может быть только императором. И умер он под солдатской шинелью.

Ваня позвонил мне ещё из Москвы, когда сдал вступительные экзамены, позвонил и хохотал, потому как достался ему именно кавказские войны.

– Фатализм! – крикнул он в трубку.

ЕГЭ введут буквально через год, и поэтому абитуриенты ещё не тыкали в листы с квадратными гелевыми ручками, а развёрнуто отвечали преподавателю-экзаменатору и должны были быть готовы отвечать на развёрнутые дополнительные вопросы. В общем, помог «Герой нашего времени» моему ученику. Иван ещё прислал пару фотографий в форме курсанта, а потом, как водится, ушёл в свою жизнь. Однажды лейтенант Дмитриев зашёл в школу, когда был в отпуске, но говорили мы уже о не об истории, не о Лермонтове, а о той самой жизни, потому что страна мало-помалу начинала подниматься с колен, на которые добровольно упала перед теми, кого навсегда побеждала. Я ещё пошутил, что он уже обошёл меня, сержанта советской армии, по званию, а он постучал себе в лоб указательным пальцем:

– Здесь бы догнать... Чтобы не поддерживать своим бравым видом поговорку «чем больше в армии душой, тем крепче наша оборона».

Сергей КОЗЛОВ

Лермонтов

Рассказ

Через какое-то время я ушёл из школы преподавать в вуз, Ивана бросило где-то по границам урезанной империи да по локальным конфликтам. То в Среднюю Азию, то на Кавказ – на современные кавказские войны, тоже, своего рода, фатализм... И, наверное, я бы никогда особо не вспомнил про героя уже нашего времени, уж тысячи учеников выпустил, если бы он сам не напомнил о себе сам летом 2023 года.

Пришла смс-ка: «лежу в госпитале, что посоветуете почитать?».

Ну да, где же ещё мог быть герой нашего времени, всю юность мечтавший стать офицером...

Я, к тому времени, знал, что многие мои ученики уже сражаются в зоне специальной военной операции как добровольцы, так и мобилизованные, а некоторые погибли... Многие из них писали мне в «телеграмм» или даже звонили.

Рядовой и сержантский состав представляли собой те самые троечники, двоечников у меня не было. Принципиально не ставил двойки, потому что «двойка» – это не только оценка ученику, но и самому себе. Да, самую тяжёлую лямку войны тянули «троечники».

«Интересно, он сейчас майор или уже подполковник?» – подумал я, чтобы понять, зачем взрослый состоявшийся мужчина спрашивает у престарелого учителя, что ему почитать...

Но тут случилась оказия, друг мой, который часто ездил в зону СВО с различными грузами и гуманитарной помощью, засобиравшись в очередной раз «к ленточке». Я спросил будет ли у него возможность и по пути ли подхватить пару коробок книг для госпиталя. Он глянул на номер госпиталя и кивнул:

– Сделаем, крюк небольшой. – Все места на

карте у ленточки товарищ мой знал от и до, потому как мотался туда минимум раз в месяц. – Напиши – кому...

Книг он увёз не две, а несколько коробок, которые мы собрали с друзьями за какие-то пару дней. Причем не сказал ни слова против, наоборот, заболит надуть щёки, решил, что выгрузит пару коробок с таблетками от диареи, потому как даже в окопах с ними перебор. А вот книги давно надо начать возить. Так что досталось отправленной литературы не только госпиталю, но и некоторым библиотекам Луганщины. Я же написал Ивану, что отправил книжную посылку в госпиталь и просил сообщить о получении. «А ваши книги там есть?» – спросил он в ответ. Я ответил утвердительно, порадовавшись, что возможно дойдут глаза бойца и до моего скромного творчества, а сам снова погрузился в нашу тыловую суету,

хотя порой с тоской вспоминаю окопное братство, потому как нигде более такого братства не встретишь. Как у Гоголя, в словах Тараса Бульбы о товариществе.

Прошла неделя, а вестей от Ивана не было. Впрочем, даже в самом глубоком тылу все уже давно поняли: оттуда звонят и пишут, когда могут, а не тогда, когда мы ждём. А потом вернулся мой друг и рассказал:

– Слушай, а нет уже твоего ученика в госпитале.

– Как нет? – удивился я.

– Такие, как он, там не засиживаются, не залёживаются, мне так главврач сказал: только подлатили, и обратно. А куда – обратно, сам знаешь – никто нам не скажет, хотя оно и правильно. Но книги я оставил. Ту, что ты с дарственной надписью отправил, передал главному, он найдёт способ доставить адресату.

– Спасибо...

– Что-то мне подсказывает, – грустно улыбнулся мой товарищ, – что Иван твой ещё не раз в этом госпитале побывает.

Если не сам, то бойцов своих привезёт... Ни дай Бог, конечно... Он же и там успел отключиться...

– В каком смысле? – нахмурил я лоб.

– В хорошем. Там один боец, когда у него друг от ранений умер, умудрился напиться... где только алкоголь взял?! Там сейчас с этим строго. И заперся с боевой гранатой в морге. Такой отдельный домик во дворе всего с двумя окнами... Гранату проще найти, чем бутылку, но вот у этого и то, и другое получилось.

– Зачем в морге-то?

– Ну, рядом с телом друга своего. Они же там как реальные братья становятся. Даже больше, чем родные.

– Знаю, – угромо подтвердил я. – Так зачем?

– Требовал, чтобы ему пленных «немцев» из той части, которую они штурмовали, привели на суд. Он одного такого из палаты пленных умудрился с собой прихватить...

– Отчего ж просто гранату в эту палату не швырнул? – спросил я.

Друг пожал плечами:

– Кто ж пьяную голову разберёт, да ещё контуженую? Видите, говорит, судить буду... Её и главврач, и сёстры уговаривали, и сослуживцы... Ни в какую! А тут вышел во двор твой Иван, махом ситуацию просёк, велел всем отойти, потому как по званию он старший был. Короче принял командование на себя. Главный ему говорит, что сейчас военная полиция придет, мол, что удамал, Иван Андреевич? А тот говорит: граната не бутылка, упадёт – не разобьётся, продолжайте говорить с ним через дверь, а мы сейчас опровергнем фатализм девятнадцатого века...

На этих словах рассказа я улыбнулся. Мелькнули в сознании образы Печорина, Казбича, есаула, и добрейшего Максима Максимовича... жаль не Сергея Сергеевича, улыбка у своим мыслям. А товарищ мой продолжал:

– Доктор ему тихо, что, мол, всякое может случиться. А вояка ваш: хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь! Я, говорит, это с девятого класса знаю. «Откуда в девятом-то классе такое знание?», усомнился главный врач, а Иван ему: «От героя нашего времени, то бишь, от героев былых времён»... В общем, броник и каску надел, под окно подполз, пока доктор уговаривал бойца через дверь, один нырок – и он в морге. В морге – среди живых и мёртвых. Через полминуты уже вывел бойца разряженного. И – граната в кулаке. Импортная оказалась... И пленный – трясущийся и бледный, весь в бинтах, за ними выполз... Герой твой Ваня.

– Герой нашего времени, – улыбнулся я.

– Что? – не расслышал или не совсем понял мой друг.

– Да ситуация почти как в романе Лермонтова...

Товарищ мой вдруг захохотал. Я смотрел на него с выжидательным изумлением, пока он не успокоился и не смог объяснить причину своего смеха.

– Позывной у твоего Ивана знаешь какой?

– Да откуда мне знать?

– Лермонтов...

История эта не кончится, пока есть герои нашего времени, пока есть Лермонтов.

Садясь в машину, Эльма негодовала. Она привыкла думать о себе в третьем лице, поскольку была очарована декадентством. Но сейчас было не до красивых эпитетов – она просто была в бешенстве! Злоба горькой желчью бурлила, подкатывая к горлу. Пытливый ум выискивал и составлял всё более хлесткие предложения, которые должны были прозвучать чуть ранее, в пику возмутительным словам подруги детства. Подруги! Мысленно поставив жирную точку в незавершённом внутреннем диалоге с ней, она скривила красиво накрашенные губы и процедила:

– Ну ничего, ничего, Наташенька... посмотрим еще!

Подгоняемая чувством собственного превосходства, выйдя из машины, Эльма не удержалась и с размаху хлопнула дверцей авто. «Мерседес» понимающе, но негромко скрипнул, услужливо пытаясь сгладить раздражение хозяйки. Она примирительно погладила двумя пальчиками его глянцевого бок, давая понять, что он дорог ей не только из-за своего престижного автомобильного брэнда, но главное, потому что был подарком любимой маме от сыночка Владлена. И хотя в свидетельстве о рождении он значился как Владислав, Эльма звала его только Владленом, слегка растягивая, особенно на людях, в имени букву «е».

Она решительно тряхнула головой, отгоняя мысли о неприятном разговоре, и не без удовольствия стала думать о сыне, улыбаясь уголками губ: «Мой Владлен – умничка!».

У неё были на то основания – сын настолько успешно закончил МГУ, что тут же получил от солидных организаций и фирм ряд выгодных приглашений...

Эльма до мельчайших деталей помнила далекий судьбоносный разговор с классной руководительницей за три года до выпуска из престижной математической школы.

– Я чувствую, что такой величайший интеллект совершит много не просто яркого, а прорывного в науке! – и в глазах пожилой учительницы блеснули слезы. – Представляете, Эльвира Гавриловна, сколько полезного совершит ваш сын! Это будет второй Ломоносов!

Сравнение с Ломоносовым совсем не понравилось Эльме, как и то, что её называли Эльвирой. Это имя она всячески вытравливала из своей нынешней жизни – от него, в чём она была абсолютно уверена, нестерпимо разило деревней. Так назвала её мать, которая ещё девочкой ходила хвостиком за приехавшей из Ленинграда преподавательницей немецкого языка,

в восхищении впитывая в себя дух незнакомой и поэтому особенно манящей жизни большого города и прелестей учебы...

Сама мать так и не выдралась из деревенского быта, а вот Эльма смогла и в большой город уехать, и

стаивала на том, что там, в загранице, все равно лучше. Но сегодня разговор не клеился – молча сидели и пили чай. И в какой-то момент, нарушив невыносимую тишину, Эльма не смогла сдержать своё покровительственно-правдивое:

– Что делать, Наташенька, это ваша цена за патриотизм...

Сказала, и наткнулась на острый, став-

Екатерина НАГОВИЦЫНА

Своя цена

Рассказ

высшее образование получить, а главное – не просто завести интрижку, а удачно выйти замуж за парня из интеллигентной еврейской семьи. А раз семья была приличная, то её, беременную, вежливо приняли...

Эльма всегда была хваткой, она в юности поклнялась себе в том, что счастья своего не упустил. И позже, с удовольствием слушая об уникальных способностях своего ребёнка и о готовности школы ходатайствовать о направлении его в специальный учебный центр для вот таких, как он, одаренных детей, Эльма смекнула, что вкладываясь в сына, она в будущем и сама сможет прыгнуть намного выше, а главное – дальше. И это возжеленное «прекрасное далеко» под крылышком великого сына уже приоткрывало для неё двери, призывно маня приглашением за рубеж с видом на жительство...

На лобовом стекле множжились дождевые капли. Одинокий фонарь с трудом выцарапывал из надвигающихся сумерек часть тротуара и угол дома с уже закрытой алтекой.

«Тюже мне – ночь, улица, аптека. Боже, как все это... уныло».

Как только президент объявил о начале специальной военной операции, она тут же безапелляционно заявила своему мальчику, что ему надо срочно принять выгодное предложение от израильского филиала крупной международной корпорации. Владлен без неуместных рефлексий, как только получил приглашение на работу, ушёл в землю обетованную...

И тут же словно песка на зубы Эльме сыпанули... Личе её исказилось... А ведь сегодня все начиналось хорошо, всё было правильно. Она из добрых побуждений примчалась поддержать дурёху-Наташку, случайно узнав, что её сына мобилизовали в СВО. Они сидели в небольшой кухне «хрущёвки», где столько раз увлеченно спорили о судьбе России, приводя каждая свои непробиваемые доводы – одна утверждала, что жить здесь и сейчас можно и нужно, а другая, не менее горячо на-

шим вдруг чужим, взгляд подруги, которая выдохнула ей в лицо:

– А ты знаешь, что за предательство Родины платить придётся? Готова заплатить?

И тогда Эльма всплыла. Вскокала, оттолкнув чашку с неподпитым чаем...

– А я никому в этой стране ничего не должна! – И, накинув шубку, выскочила из квартиры, громко хлопнув при этом дверью, отсекая от себя все прежнее, отжившее: и эту многолетнюю дружбу, и эту страну.

«Какие же они все завистливые! Дура-Наташка простить мне не может того, что через неделю я уже буду далеко отсюда! Рядом со своим мальчиком! Буду счастлива! А они... Да пусть хоть сдохнут!» – мысленно прошлипла она в адрес бывшей подруги и нажала «звездочку» избранных номеров на панели смартфона, в четвёртый раз за день пытаясь услышать голос любимого сыночка...

Один гудок, второй, третий, четвёртый... Эльма даже улыбнулась задержке ответа, мысленно представив, что на другом конце света сын ищет телефон. Ну, наконец-то... Но вместо родного голоса ей почему-то ответил незнакомый мужской, и она вначале даже не поняла, почему вместо радостных слов сына она слышит невнятицу, которую её разум отказывается принимать... Эльма попросила повторить, с трудом прорываясь сквозь смысл сказанного. Но и это не помогло, и тогда незнакомый голос уже в третий раз также бесстрастно прорубил, что её сын Владислав Карасик захвачен в плен боевиками и на данный момент власти Израйля не располагают данными об его местоположении.

Эльма машинально отключила телефон и словно камнемела в пахнушем кожей, парфюмом и безмятежным благополучием «Мерседесе», глядя остекленевшим взглядом на стекающие по лобовому стеклу безразличные ко всему происходящему капли октябрьского дождя, а в ушах на каждый удар её замирающего сердца всё отзывалось:

– Я сожалею, гвзрет Эльвира, но ваш сын оказался не в том месте и не в то время...

увидеть море

Александр КОЛЕСНИКОВ

Рассказ

– Как там?..

Я сразу же пожалел, что задал такой глупый вопрос. «Как» может быть на войне? Что об этом рассказывать? На войне как на войне: пот, кровь, да смерть вокруг... Но именно там куётся победа.

Паренёк обхватил голову руками и неожиданно стал тихо плакать.

«До седых волос дожил, а ума не нажил!» – чертыхнулся я.

– Двух моих друзей убили... – выдавил он из себя. – Одним снарядом! Мы рядом стояли... Их – сразу, а меня – осколком...

Он потянулся к пакету и достал оттуда две бутылки пива. Откупорил одну из них, он потянулся ей мне.

– Выпьем, отец?

– Я ж на работе...

– На работе? Ну извини... Работа – это важно, не спорю. А я выпью... Прости, отец!

Он приложился к бутылке и осушил её за один раз.

– Жарко здесь!

«Ох и развезёт же его от спиртного – или что он там такое пил? А тут ещё пиво по сочинской-то жаре!» – с горечью подумал я.

– Тебе же плохо станет, сынок! – поморщился я. – Спиртного нельзя мешать, тем более по такой-то жаре...

– Да ничего... Выдержу я, отец! И не такое выдерживали... Да мне и без этого плохо...

– Зачем пьёшь тогда, раз плохо?

– Да мне же не от этого плохо, отец! Я ж говорю – убили их! Мы с детства вместе, и вот – на тебе...

И он снова заплакал.

– Ты по какой специальности-то на Донбассе? – спросил я, пытаясь хоть немного увести тему в сторону.

– Был понтонёром...

– Понтонёром?

– Ну да, понтонёром. Мы мосты строили, переправы... Потом сапёром... Там нас артиллерия-то и накрыла...

Он сидел, уткнувшись лбом в ладони.

– Уйду я теперь...

– Вот и правильно! – выдохнул наконец

я. – Поезжай домой, отдохни, обмозгуй всё... Потом найдёшь себе нормальную работу...

– Ты не понял, отец, – он пристально посмотрел на меня. – Я из сапёров уйду. В штурмовики подамся... На переднюю линию. Я, отец, теперь по-настоящему воевать буду. Не прощу им... Мстить буду! Ни себя задить не буду, ни врага!

Он вдруг неожиданно вскинул руки, будто держал автомат, и стал яростно поливать из него смертоносными пулями...

– Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та, тра-та-та-та! Вот вам, получите! Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та!.. Нравится?.. Тра-та-та-та-та!.. Не прощу!

Через несколько мгновений он наконец успокоился и устало откинулся на скамейке.

– Извини, отец... Устал я что-то... Иди надо...

– Да, и мне уже тоже пора...

– Берепи себя!

Мы пожали руки, он кивнул и пошёл в сторону гостиничного корпуса, стоящего неподалёку. Пройдя несколько шагов, я оглянулся и окрикнул его:

– Как тебя хоть зовут?

– Егор!

– А зачем ты сюда приезжал-то?

– В отпуске я!.. Моря никогда не видел!.. Увидеть хотел!

Он повернулся и, будто вспомнив об истинной причине своего приезда, устало пошёл уже не в сторону гостиницы, а в сторону синего Чёрного моря...